

## СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КЛАДБИЩ ПЕРМСКОГО КРАЯ). ЧАСТЬ I

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».*

Представлена стилистическая классификация эпитафийных текстов, зафиксированных в ходе натурных обследований провинциальных кладбищ Пермского края в 2019 г. Классификация кладбищенской поэзии осуществляется по двум основаниям: характеру проявленности индивидуально-авторского начала и типу жанровой функции. Описанию поддаются не только выделенные группы текстов, но и явления переходного характера. Делаются наблюдения над генетикой и вариативностью эпитафий, их способностью входить в иные сферы танатологического дискурса.

Ключевые слова: лингвокультурология; городская культура; смерть; эпитафия; письменный фольклор; наивная поэзия.

### Введение

В современной городской культуре символический язык похорон иной, нежели в традиционном сельско-деревенском быту. Эти различия обнаруживаются на разных уровнях похоронно-поминальной практики (языковом, акциональном, предметном и др.) и в разных ее аспектах (формально-структурном и содержательном). Значительный зазор между данными формами народной культуры имеется в плоскости значимости смысловых элементов, их синтагматических и парадигматических связей, наличии или отсутствии аналогов (лакунарности).

В городской культуре по-иному выведен «семиотический рисунок» похорон, одним из примечательных элементов которого является эпитафия. Задействованность данных текстов в оформлении надмогильных сооружений можно объяснить тесными связями городского народного творчества с информационной культурой (книжной, медийной), а через нее – с инокультурными традициями. В практическом смысле этому способствуют технологические средства, привлеченные к обслуживанию рынка ритуальных монументов.

Эпитафия имеет не только историко-историко-культурную, но и культурную ценность, даже если она нанесена на памятник обывателю. Посредством нее выражается личное чувство, облаченное в форму «своей» культуры – близкой адресату и адресанту, или одной из сторон послания. Таким образом, установление особенностей широкого эпитафийного наследия в конкретный исторический период ведет к пониманию картины мира представителей повседневности данного времени.

В современном научном исследовании эпитафийных текстов постепенно преодолевается этап накопления материала: ввод памятников в научный оборот осуществляется как отельными учеными (например, [1, 2]), так и исследовательскими коллективами (Центр исследований эпиграфики в Университете Дмитрия Пожарского (Москва)). На фоне обширных публикаций эпиграфических источников все отчетливее встают проблемы теоретических подходов к его описанию – актуальные вопросы в изучении эпита-

фийных памятников ежегодно освещаются на страницах журнала «Вопросы эпиграфики» (2006–2016 гг.) и периодически всплывают в изданиях «Эпиграфика Востока» (с 1947) и «Нумизматика и эпиграфика» (с 1960 г.).

Однако проработка отдельных направлений эпитафийной эпиграфики осуществляется в разном объеме. В частности, видится значительный перекося в качестве востребованного для исследований материала: в обстановке активного интереса к надгробным надписям прошлого и проблеме исторического развития жанра ощущается явный недостаток в изучении артефактов настоящего. «Можно говорить о некотором сложившемся исследовательском стереотипе: достойны изучения и представляют собой социокультурную ценность либо захоронения прошлых веков, либо современные некрополи, где похоронены известные люди» [3. С. 238].

Полагая, что массовая эпитафийная традиция может быть информативным источником о современной народной танатологии, мы обращаемся к анализу надписей провинциальных кладбищ в аспекте их стилистических свойств (I часть) и особенностей денотативного пространства (II часть). Конечной целью нашего исследования является выявление смысловых категорий в фольклорных эпитафиях и их интерпретация в свете лингвокультурологии. Достижение намеченных результатов послужит для характеристики похоронного симболизма в пределах городской культуры.

Материал для исследования мы собирали методом сплошной выборки на городских кладбищах Пермского края в 2019 г.: обследованию подверглись центральные некрополи Соликамска, Березников, Усоля, Добрянки, Кунгура. Отбор эпитафий ограничивался только стихотворными текстами, нанесенными на памятники 1970–2019 гг.<sup>1</sup>

Производя полевой сбор эпитафий, мы не вдавались в вопрос их индивидуальной истории<sup>2</sup>. Очевидно, что мотивы нанесения эпитафий на памятник и выбор текста в каждом из случаев продиктованы личными причинами. Заказчик ритуальных услуг может иметь вполне осознанное желание оформить памятник прощальным текстом и инициировать это пред-

ложение в агентстве. Резонность может поддерживаться объявленной прижизненно волей усопшего, стремлением близких выразить чувство утраты, представлениями о выполнении ритуала («так надо», «так принято»), эстетическими взглядами на украшение надгробия, подчеркиванием прижизненного статуса покойного через величину стоимости ритуального заказа и т.д. Напротив, рекомендация надписи может исходить от представителей ритуального агентства в целях продвижения платной услуги. И в этом случае аргументационные стратегии являются также разносторонними.

Текст эпитафии может быть результатом самостоятельного творческого акта (индивидуального или коллективного). Может заимствоваться (полностью или частично) с представляемых ритуальной фирмой образцов, интернет-сайтов, реальных надгробий. Может подбираться или писаться на заказ специализированными организациями или лицами, предоставляющими услуги по созданию текстов. Реальна и возможность последнего распоряжения усопшего по использованию определенного текста в оформлении памятника. Дополнительным фактором, которым ограничивается выбор или создание эпитафии, является стоимость, зависящая от ее буквенного объема.

Минуя вопрос об индивидуальной истории надписей, мы не пренебрегаем пропозиционными характеристиками, а напротив – принимаем во внимание все возможные (альтернативные) варианты. Просеянное через «решетку» разнообразных факторов множество реальных эпитафий есть результат общественных предпочтений, им определяется синхронный срез повседневной культуры города.

При синхроническом подходе к материалу закономерно лишено целесообразности и разрешение вопроса об изначальной «книжности» или «реальности» эпитафий, разрабатываемого в исторических исследованиях [4–6]. Учитывая интенсивное воздействие книжно-медийной культуры на жизнь современного горожанина, мы не пытаемся рафинировать распространенные кладбищенские тексты от нетрадиционных форм, а напротив – хотим показать сложность и неоднородность материала и, вместе с тем, пытаемся наметить границы его полей различной генетики и стилистических свойств.

### Стилистическая классификация эпитафий

Вхождение в материал с позиций «совершенного выбора» отнюдь не означает признание всех собранных эпитафий письменным фольклором: среди них могут быть обезличенные творческие формы и тексты с явной индивидуальностью стиля. И если первые можно рассматривать как феномены актуальной городской культуры в ее постфольклорной проекции, то вторые в зависимости от профессионального уровня тяготеют к художественности или промежуточности формы (наивная поэзия). Следовательно, с одной стороны, произведенная выборка эпитафий требует классификации материала по характеру проявленности индивидуально-авторского начала на фольклорные и авторские.

С другой стороны, собранный корпус кладбищенской поэзии включает тексты разной жанровой судьбы. Для одних из них эпитафийная функция является исходной, а для других она вторична. Пренебрегать этим обстоятельством тоже невозможно, поскольку через него открываются особенности в развитии эпитафий как отдельной жанровой категории.

На пересечении двух оснований – по типу авторства, по жанровой функции – складываются выделяемые ниже классификационные группы<sup>3</sup>.

### Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

Это тексты, порожденные в народной среде и функционирующие в пространстве кладбища: *Не верим мы, что ты ушёл так рано. | В мир иной, где суждено всем быть. | И в сердце боль от нестерпимой раны, | которую ничем не излечить.* (18). Их трансляция осуществляется не только в реальных условиях, но и в интернете, что не приводит к смене жанрового статуса произведений. Фольклорные эпитафии – это письменное, а не сетевое творчество: будучи реальными феноменами, данные тексты становятся поистине фольклорными только тогда, когда преодолевают границы виртуальности.

Фольклорность современных эпитафий объективируется прежде всего в признаках анонимности, характерном наборе тем (ухода в другой мир и невозможности возврата, печали и скорби, невыразимости горя, вечной памяти, жестокости судьбы и др.), высокой степени формульности («вечная память», «любим, помним, скорбим», «светлый образ», «спи спокойно» и др.) и типизированности субъекта (стертой биографической, портретной и психологической характеристики). Это актуальные силовые точки, которыми сдерживаются границы жанра, берущего начало в античности [7].

Помимо стилистических свойств можно отметить высокую частотность данных эпитафий в интернет-пространстве, что в современных условиях трансляции культурных текстов также нельзя сбрасывать со счетов. Среди зафиксированных на пермских кладбищах надписей есть единичные и частотные варианты, но и те и другие широко бытуют в интернете. Если же углубляться в объяснительный потенциал частотности этих групп текстов, то за неоднократно воспроизводимыми в камне следует утвердить статус региональных маркеров времени, т.е. единиц культуры, демонстрирующих ее устойчивые (типичные) проявления в современном региональном пространстве: *«Как жаль, что твоя жизнь...»*, *«Любим тебя, гордимся тобой...»*, *«Нашу боль не измерить...»*, *«Не выразить словами...»*, *«Не слышно голоса родного...»*, *«Прости, что не смогли помочь...»*, *«Спи спокойно, любимый, родной...»*, *«Тому, кто дорог был при жизни...»*, *«Ты нас покинула, родная...»*, *«Ты ушел из жизни слишком рано...»*.

«Общеизвестность» фольклорных эпитафий снимает вопрос о субкультурной конкретности аудитории. Представления о нормативности подобного дискурса растворены в городской народной

среде. Носителями данной разновидности фольклора являются не социальные группы, а различные люди, в чьем сознании функционируют традиционные представления о мироустройстве (жизни живых и жизни мертвых).

Фольклорные эпитафии во многом этикетны: ориентация на диалогичность и реализация прямой речи – крайне заметные стилистические черты текстов нашего времени: *А ты стоишь перед глазами, | Живой, с улыбкой на устах. | Нет! Нет! Всегда ты вместе с нами, | И будешь жить у нас в сердцах.* (1). Данная форма является отработанным в обществе способом выражения личного чувства, а ее обезличенность – следствие коллективной универсальности. Будучи самым распространенным

типом текста в пространстве кладбища (по сравнению с иными поэтическими формами), фольклорная эпитафия тем самым репрезентирует доминирующую стратегию в рамках данной коллективной коммуникативной ситуации.

Благодаря общеизвестности и обезличенности произведения, организующие фольклорную группу, воспринимаются обывателем в целом как универсальное средство поминания. Красноречиво об этом говорит тот факт, что одни и те же тексты бытуют в разных сферах танатологического дискурса (например, кладбищенской, газетной, интернет-сетях) с разными задачами (например, эпитафийной, некрологической, кондоленциальной (слова соболезнования)) – см. рис. 1.

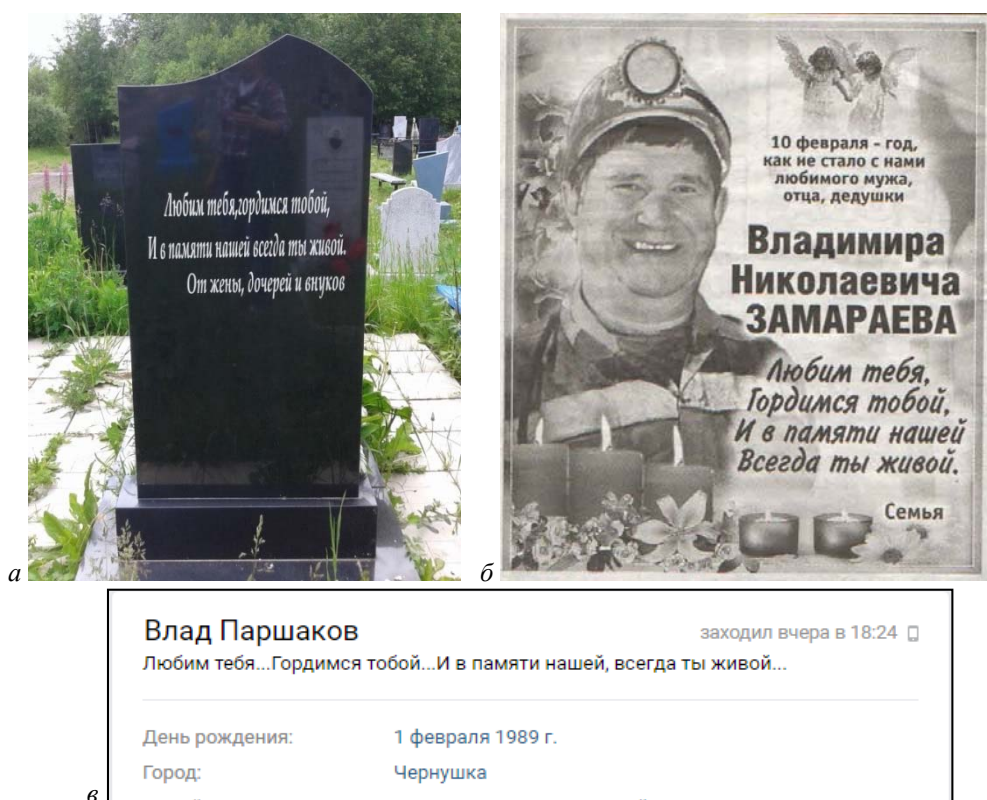


Рис. 1. Фиксация текста в разных сферах похоронной культуры: а – эпитафия на задней стороне памятника (Добрянка); б – некролог в газете<sup>4</sup>; в – статус в социальной сети<sup>5</sup>

Фольклорные эпитафии существуют во множестве вариантов, что, собственно, и характерно для народных произведений. При этом можно наблюдать случаи, когда новый текст складывается из нескольких разных эпитафий: *ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА. | ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА. | НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ | И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ. | МЫ ТЕБЯ, КАК ЖИВОГО | БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ.* (2).

#### Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

Эта группа представлена только одним текстом – эпитафией, созданной на основе фольклорного стихотворения служащих пограничных войск: *Граница – это не просто линия, | Это сотни бессонных ночей, |*

*Это служба дозора длинная, | Это подвиг усталых парней.* (Кунг.). Записи этого текста можно найти в рукописных солдатских блокнотах [8] и стилизованных под них интернет-сайтах (например, [Пограничный блокнот]).

В разряд народного творчества субкультурные фольклорные тексты переходят редко. Обычно эти переходы можно обнаружить на примере отдельных произведений. Едва ли не единственным случаем частотных преодолений границ субкультуры признается блатной фольклор (см., например, [9]).

#### Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

Данную группу составляют непрофессиональные авторские тексты для частного события. Это

анонимные произведения самодетельной природы. Зафиксированные в единичном экземпляре, наивные стихи не находят вариантов ни на кладбищах, ни в интернете.

В некоторых из наивных эпитафий могут иметься осязаемые стилистические отличия от фольклорных текстов. Так, можно проследить отчетливую индивидуализацию умерших через прижизненные качества, например особенности внешности: *НА ТЕБЯ НАГЛЯДЕТЬСЯ НЕ МОЖЕМ | РЫЖИЙ ЧУБ, ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА | ГАРМОНИЧНО, СПОРТИВНО ТЫ СЛОЖЕН | МОЛОДОЙ И КРАСИВЫЙ ВСЕГДА.* (81) или профессиональную деятельность: *Ты был геолог, им остался | И в этом камне жизнь твоя. | Стоять он будет вечно, папа, | Скорбим и помним мы тебя!* (85). В субполе наива даже вид смерти может обретать более конкретные характеристики, нежели в эвфемизированных фольклорных описаниях: *Никто не смог тебя спасти | в смертельный час твоей судьбы. | Пусть вздрогнуть те, кто виноват, | и вспомнят те, кто не причастен. | А мы скорбим и помнить будем вечно, | пока стучат наши сердца.* (82). Благодаря индивидуализации субъекта эпитафии подобного рода можно рассматривать как своего рода «человеческие документы».

Иногда привлекает внимание особенный версификационный талант автора, претендующего на самовыражение. В этом случае отчасти преодолевается характерная для фольклора тематическая и формульная «закатость», хотя образы и речевые обороты все же не обладают свежестью: *За окном сентябрь, | И птицы тянут к югу, | В осенний листопад | Я потерял подругу. | По жизни не лететь | Нам милой парой вместе, | Оборвалась судьба | Вдруг лебединой песней.* (78). Психологизм данного текста тоже способствует портретированию субъекта – теперь уже «живого».

И все же в большинстве эпитафий этой группы (кроме представленных выше) субъектные позиции подаются предельно обобщенно, а поэтическая индивидуальность стерта: *Внезапно землю ты оставил, | Ушел от нас ты навсегда. | Тебя, любимый, помнить будем | Таким, каким ты был всегда.* (75). Единственное, что может говорить в пользу их авторства – это единичность фиксации, сведения о которой, безусловно, могут быть пересмотрены в свете новых данных об эпитафийном корпусе русских захоронений рассматриваемого или раннего времени.

В силу того, что поэтика большинства наивных эпитафий очень близка фольклорной, эти тексты «не разводились» в филологических исследованиях, а прибавались к одному берегу – фольклорному или дилетантскому [5. С. 25–27]. Представляется, что и сегодня эта проблема останется нерешенной, если смотреть на нее с позиций поэтической техники. Важно отслеживать повторяемость текста, в том числе в интернете как актуальном пространстве общения.

К слову сказать, попытка учета воспроизводимости текста уже была удачно воплощена Л.К. Ильинским еще в начале прошлого века, но, к сожалению, не получила развития. Автором убедительно были схвачены механизм трансляции текстов в народной среде и становление эпитафийного

жанра как разновидности письменного фольклора. Наблюдения над надмогильными стихами Л.К. Ильинский осуществлял в пределах центрального некрополя Казани – Арского кладбища: «Среди стихотворений на могильных памятниках мы находим стихотворения, которые больше уже не повторяются, и стихотворения, которые часто встречаются в различных вариантах. И чем ближе к нашему времени, тем более стихотворений второй категории. Так, за период времени с 1824 г. по 1840 г. мы не найдем ни одного стихотворения-дубликата, – с 1840–50 есть уже один дубликат. В следующее десятилетие их уже 6 и т.д. Постепенно возвышаясь, цифра дубликатов в десятилетие 1890–1900 возрастает до 53, а в 1901–1909 до 127.

Цифры говорят сами за себя, даже и при том их относительном значении, какое им можно придать, принимая во внимание плохую сохранность памятников. Шаблон, очевидно, начинает с годами играть все большую и большую роль, и этот шаблон уничтожает и самостоятельное творчество и индивидуализацию надписей. Теперь одно и то же стихотворение видно на самых разнообразных, в смысле общественного положения погребенных, памятниках. А это влияет и на содержание надписей: содержание в этих шаблонах вращается в области общих фраз, а отсюда и форма не блещет богатством разнообразия, и она становится общим местом» [10. С. 365–366].

Впрочем, учет повторяемости эпитафий не является прямолинейным путем к определению их фольклоризации. И на этом пути не избежать новых методологических вопросов, например, об отграничении фольклорных вариантов от интертекстуальных явлений в авторских произведениях: *В тот самый миг, | Когда тебя не стало, | Мне голос был холодный, / как слеза. | Одним цветком земля беднее стала, | Одной звездой богаче небеса.* (Березники).

Кроме этого, при разрешении проблемы фольклорности текста имеют значение временные координаты. Историческая судьба авторского текста может вывести его на путь безымянного существования, обремененного множеством вариантов. «[П]ри рассмотрении фольклорного факта речь идет не о предшествующих его рождению моментах, не о «зачатии», не об эмбриональном существовании, а о «рождении» фольклорного факта как такового и о его дальнейшей судьбе» [11].

#### Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

По жанру источника наибольшую группу авторских текстов в эпитафийной функции составляют художественные поэтические произведения. Глубина отечественной традиции определяется творчеством русских классиков XIX в. В частности, в эпитафиях имеются отсылки к стихотворениям М.Ю. Лермонтова «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (72), Ф.И. Тютчева «Весь день она лежала в забытии...» (70), А.А. Блока «О, я хочу безумно жить...» (65), роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (65), комедии Н.А. Некрасова «Медвежья охота» (71).

Ощутимо влияние на народную культуру эпитафийной и гражданской лирики XX в. Среди текстовых основ кладбищенских эпитафий встречаются литературные эпитафии Р.Г. Гамзатова «Дороги строим мы, но вот беда...» (55), «Тебе и в бурю, и в метель...» (54), А.А. Вознесенского «Я умер, подчинившись естеству...» (73), стихотворения Д.А. Терещенко «Памяти Ксении Некрасовой» (60), А.Д. Дементьева «Не смейте забывать учителей...» (61), А.Г. Гребнева «Отец погиб в бою за Волгу...» (63), Э.А. Асадова «Годовщина» (68).

К этой же группе примыкают стихи неизвестных авторов, периодически актуализируемые в материалах популярной направленности интернет-пространства. Удалось установить, что, по крайней мере, два эпитафийных текста были созданы на основе отрывков из стихотворений «Не ходила война по уральским полям...» (67) и «Как много вас и как вас мало...» (59).

Из поэтических текстов зарубежной литературы в похоронной культуре востребованы произведения, тяготеющие по форме к афоризмам. Материал показывает, что народные вкусы сосредоточены вокруг древнего персидского наследия – рубаи Омара Хайяма «От веры к бунту – легкий миг один...» (64) и стихотворение Атааллаха Аррари «А в час, когда мой след во всех сердцах сотрется...» (52).

Другим распространенным источником эпитафий являются песни. Актуализации в народной среде поддаются лирические музыкальные произведения советской эстрады, затрагивающие темы любви, смерти и смысла бытия: «Барбарисовый куст» – муз. и ст. Н.П. Моренца (53), «Два стрижа» – муз. Р.В. Паулса, ст. А.А. Вознесенского (56), «Эхо любви» – муз. Е.Н. Птичкина, ст. Р.И. Рождественского (57), «Нежность» – муз. А.Н. Пахмутовой, ст. С.Т. Гребенникова, Н.Н. Добронравова (62).

Чувствительно отношение современников к музыкальной поэзии рока и рэпа, тематика которой также имеет экзистенциальный уклон: «Звезда по имени Солнце» – муз. и ст. В.Р. Цоя (58), «П.М.М.Л.» – муз. и ст. З.Т. Рамазановой (66), «Ты в нашем сердце» – муз. и ст. Р. Суханова (69).

С подлинными народными произведениями отрывки из авторских текстов роднит традиционность и широкая узнаваемость образов. Во многих случаях им свойственна типологичность субъекта, изначально фиксируемая в тексте оригинала или явившаяся результатом его сокращения или трансформации.

Добавим, что авторские тексты в функции эпитафий, как и фольклорные, подвергаются варьированию, в сущности, обеспечивающем «выживаемость» текста в народной культуре. См., например:

**«Опустела без тебя земля...»:** Опустела без тебя Земля | А ты летишь... и тебе | Звезды дарят свою нежность. (liki.studio), Опустела без тебя земля, но в небесах зажглась новая звезда. (ripme.ru),

**«Жаль, что жизнь нельзя повторить...»:** Жаль, что нельзя жизнь повторить, | чтоб вновь ее тебе подарить. (stella36.ru), Жаль нам, что жизни нельзя повторить, | Чтобы тебе её вновь подарить. (памятникивтамбове.рф),

Кроме того, поэтические цитаты могут включаться в новые произведения различной жанровой специфики – от надписей на траурных венках до статусов в соцсетях. Приведем примеры хотя бы из текстов эпитафий:

**«Опустела без тебя земля...»:** Без тебя для нас опустела земля. | Как жестока судьба, что тебя отняла. (akropol29.ru), Без тебя для нас солнце потускнело | И земля вся опустела... (obelisk.lg.ua), Ты уснул навсегда светлым днем февраля | И в секунду для нас опустела Земля, | Но теперь в Небесах обретя свой покой, | Вечно помни, любимый – наше сердце с тобой (mortem.rip), Доченька – наша отрада, | Опустела без тебя земля... | Ты была, как праздник, как награда, | А теперь осталась боль одна (antaros.ru), Море пролито слез, | Опустела без тебя земля. | Наш отец дорогой | Не забудем тебя. (vipmemorial.by).

**«Жаль, что жизнь нельзя повторить...»:** Горе нежданное, горе безмерное, самое главное в жизни – потеряно, жаль нам, что жизни нельзя повторить, чтобы тебе ее вновь подарить. (www.grad-ex.ru), Горе нежданное, горе не меряно, | Самое дорогое в жизни потеряно. | Жаль, что жизнь нельзя повторить, | Чтоб снова тебе ее подарить. (obelisksurgut.ru),

Несмотря на то, что все собранные на кладбищах авторские тексты имели однократную фиксацию, область их функционирования в качестве эпитафийных в современном лингвокультурном пространстве различна. Попробуем это показать.

Не имея возможности продолжить натурные обследования общественных захоронений и, тем самым, расширить исследовательский материал, обратимся за доказательствами к другому источнику. Представляется, что вполне реалистичными в этом отношении могли бы быть данные интернет-контента, хотя при таком аргументационном ракурсе сбивается изначально выставленный «прицел» на санкционированный общественный выбор. И все-таки взгляд с позиций «предлагающего субъекта» тоже может нести фактологическую информацию, пускай и косвенную.

Анализ бытования рассматриваемых кладбищенских текстов на сайтах ритуальных агентств и гранитных мастерских показал, что пересечение реального эпитафийного корпуса, взятого за исходное множество, с виртуальными списками коммерческих организаций прослеживается в менее, чем 7% случаев. Такой вывод следует из того, что на запросы Google Chrome 20.02.2020 о конкретных текстах были получены ответы с веб-серверов похоронных компаний только для семи эпитафий. При этом (что важно) они всегда приводились без автора:

**«Опустела без тебя земля...»** – 196 ссылок: rosmems.ru; center-kamen.ru; www.green-stone.by; art-castings.com; exkluziv-granit.ru; memorial-k.ru; goodmonument.ru; postament.ru; granit33market.ru; www.monumenti.lv; pamyatnyk.ru; granit-ab.ru; www.spokiy.com; www.grad-ex.ru; www.obeliski.ru; kam-memorial.ru и др.;

**«Жаль, что жизнь нельзя повторить...»** – 158 ссылок: rit-granit.ru; stella36.ru; stoun-m.ru; obelisk-surgut.ru; monument-rzn.ru; maximus-k.com; обелиск-

липецк.рф; granit.city; obelisk.lg.ua; 1-gc.ru; proizvodstvo-pamyatnikov.ru; re-me.moscow; ритуал-куровское.рф; jivoikamentikhvin.jimdofree.com; www.granitas.by; stela.ru и др.;

«*Я умер, подчинившись естеству...*» – 42 ссылки: panteon.zp.ua; uralkamen-dvor.ru; ritual61.ru; v-granit.ru; kamrd.ru; mortem.rip; obelisk-volgograd.ru; www.midgard-ritual.ru; memori-kamen.ru; kamengrad36.ru; stone-empire.ru; www.memorie.md; pamatnik.ru; dymovskiy.ru; liki.studio; imperia-granita.by; alleya-pamyatnikov.ru и др.;

«*Дороги строим мы, но вот беда...*» – девять ссылок: obelisk-volgograd.ru; www.tiras-memory.ru; pqd.ru; mirgranita.by; monument-rzn.ru; ooompk.ru; angstone.ru; obelisksurgut.ru; epitafija.ru;

«*И даже за гранью смертельного круга...*» – три ссылки: www.k-r.by; monument.by; pamyatnik.com.ua;

«*Любила ты, и так, как ты, любить...*» – 3 ссылки: pohorony.com.ua; mortem.rip; www.ritualn.org.ru;

«*А в час, когда мой след во всех сердцах сотрется...*» – 1 ссылка: deltagran.md.

В принципе, интернет способен обеспечить не только косвенные, но и прямые доказательства спроса, т.е. использования конкретных эпитафий населением. Например, за счет новых виртуальных услуг похоронной направленности: интернет-кладбищ («Российское виртуальное кладбище», «Виртуальное кладбище») или поминальных сайтов («Помним, скорбим»). Эти ресурсы дают возможность пользователям на специально отведенных веб-страницах выкладывать информацию об усопших и оставлять свои комментарии в виде поминальных слов, соболезнований, эпитафий, некрологов, молитв и т.п. Но и при данных возможностях предполагается некоторый перекосяк в случае сопоставления реальных и виртуальных текстов. Обладая большей свободой в объеме комментария и его жанровой специфике (протоколно-этикетные и приватные сообщения), пользователи сайта безотчетно создают новый тип наивного письменного дискурса. Его специфика все же требует отдельного исследования.

Однако авторские тексты в функции эпитафий имеют разную историческую актуализацию в пространстве русской культуры. За некоторыми из них стоит длительная традиция по использованию в качестве кладбищенских посвящений, а другие функционируют в танатологическом дискурсе всего несколько лет или десятилетий. В частности, с середины XIX в. оформляется, а с XX приобретает отчетливые формы тенденция цитировать классические тексты в надгробных надписях. Со второй половины XX в. источниками заимствования поэтических цитат (например, «*Опустела без тебя земля...*») все чаще становятся тексты популярной культуры [1. С. 85–97].

В завершении обзора данной классификационной группы нам бы хотелось рассмотреть один важный вопрос: все ли из поэтических цитат в функции эпитафий воспринимаются современниками как авторские, или есть случаи, когда связи эпитафий с порождающими текстами разрушены? Его решение необходимо для выявления источников эпитафийного фольклора. Мы хотя и не задавались вопросом жанровой динамики, но не можем обойти стороной живые процессы в этой области.

В качестве одного из источников эпитафийного фольклора нам видятся популярные (часто воспроизводимые) авторские тексты со «стертой биографией», т.е. оторвавшиеся от породившего контекста. При этом «[с] функциональной точки зрения, без которой невозможно понимание фактов искусства, поэтическое произведение вне фольклора и то же произведение, усыновленное фольклором, являются двумя совершенно различными фактами» [11].

Благодаря фольклоризации авторских текстов формируется некоторая периферийная или маргинальная зона народной культуры, которая в пределах постфольклорной парадигмы представляется исследователям достаточно продуктивной. «Стоит подчеркнуть, что, называя такие тексты маргинальными, нет нужды думать, что они непременно указывают на некие девиантные формы социальной действительности (что само по себе, конечно, тоже не исключается), но только то, что фольклорная компонента в объяснении таких текстов не может считаться единственной. Иными словами, это тексты, актуально существующие на границе различных способов их аналитической дескрипции» [12].

Переходя к процедуре решения вопроса, отметим, что ответ на него может быть получен путем обширных соцопросов об узнаваемости исходных данных прецедентного феномена. Мы же, не имея возможности провести экспериментальную проверку, как и в прежних случаях, обратимся к интернету, точнее, к интернет-статистике<sup>6</sup>. Количественный анализ сайтов, включающих авторские тексты в разные жанровые категории, показал, что в пределах рассматриваемого эпитафийного корпуса есть место единицам периферийного свойства.

Так, среди частотно воспроизводимых эпитафий, образованных на основе поэтических цитат, текст со словами «*Жаль, что жизнь нельзя повторить...*» можно квалифицировать как переходящий в разряд автономных, т.е. теряющий связи с источником. Количество веб-серверов, на которых исходное произведение с этими строками подается как песенный материал, крайне незначительно – всего шесть ссылок (www.karaoke.ru; sovetskaya-estrada.ru; www.alla-superstar.ru; x-minus.pro; www.megalyrics.ru; testicanzoni.mtv.it). Для сравнения: исходный текст цитаты «*Опустела без тебя земля...*» представлен в интернете как песенный на 119 сайтах (text-pesni.com; kristalinskaya.ru; www.philharmonic.tomsk.ru; pesnifilm.ru; teksty-pesenok.ru; www.megalyrics.ru; russia.tv; www.ltv.ru; muzofond.fm; kulturologia.ru; song-story.ru; slushat-tekst-pesni.ru; www.pesni.net; www.culture.ru и др.).

Итак, скажем о некоторых закономерных чертах современного эпитафийного корпуса в региональном пространстве.

1. Не будучи широкомасштабным явлением на кладбищах центральных городов России [1. С. 11], эпитафии в провинции являются также малозаметными. Их рост увеличился только в последнее время, когда технология нанесения надписи на камень стала более совершенной и доступной населению в отношении стоимости. При этом нельзя сказать, что обще-

ственный вкус к оформлению памятников стихами развивается в разных городах с одинаковой силой. В наибольшей степени эта мода характерна для Кунгура. В Соликамске, Березниках и Добрянке общественные пристрастия к жанру стихотворной эпитафии менее выражены. В Усолье находим только единичные образцы надгробных стихов.

2. Предпринятая стилистическая классификация эпитафийных текстов позволяет отграничивать письменный фольклор от других явлений городской традиции в области оформления надмогильных сооружений. Что касается самих разрядов, то их объем позволяет судить о силе той или иной стратегии в выборе текста, и, как следствие, о тенденциях самовыражения горожан в пространстве похоронной культуры. В этом ракурсе ориентация на простоту, типичность, традиционность и общеизвестность являются магистральными стратегиями в подборе текстов из потенциального множества вариантов. Более того, эти стратегии организуют культурное пространство и для тех, кто просто читает эпитафии – рядовых посетителей кладбищ.

Как видно из приведенных примеров, границы между вводимыми разрядами являются подвижными за счет явлений переходного характера. Мы придерживаемся той точки зрения, что народная культура не является замкнутой системой, обреченной на архаизацию. Ее динамика несомненна: информационно-семиотически подпитываясь от других культурных сфер, она развивается в соответствии с особенностями современной действительности.

Классификационные основания, система разрядов и допущение переходности (фольклоризации авторских текстов) – те показатели, по которым вводимая типологизация отстоит от введенной ранее схемы в докторском исследовании Т.С. Царьковой о русской стихотворной эпитафии XIX–XX вв. [1. С. 185]. И вместе с тем данная классификация не противоречит изложенной литературоведческой концепции, вернее всего – дополняет и разрешает ее в тех вопросах, которые автором квалификационной работы обозначены как проблемные.

3. Эпитафийный корпус неоднороден с точки зрения составляющих его тем. Превалирующее большинство эпитафий является универсальными формулами выражения личного чувства безотносительно к тому, какие отношения связывали усопшего и живых. И все же ряд надгробных надписей тематически концентрирован.

В частности, посмертные признания в любви обнаруживаются в наивной лирике: «Еще одно сердце разбито...» (77), «За окном сентябрь...» (78), а также в поэтических цитатах: «И даже за гранью смертельного круга...» (57), «Поздно о чем-то думать, слишком поздно...» (66). Относительно двух последних

отметим, что перед нами редкие исключения того, когда общий пафос произведения-источника сохраняется и в прецедентном феномене. В остальных случаях романтическая любовная тематика, воплощенная в оригинальных песнях или стихах, переходит посредством цитаты в разряд общечеловеческого душевного переживания или родственного чувства: «Жаль, что жизнь нельзя повторить...» (56), «Опустела без тебя земля...» (62), «Но... нет мечтам моим возврата...» (65), «Ты ярко жил... и так ...» (70).

В последние десятилетия в эпитафиях стала проявляться тема Великой Отечественной войны, исполненная исключительно посредством заимствования авторских текстов: «Ветер тихонько колышет...» (53), «Отец погиб на поле брани...» (63), «Похоронки тех дней до сих пор душу ранят...» (67).

Также можно выделить круг текстов профессиональной тематики: «Граница – это не просто линия...», «Не смейте забывать учителей!» (61), «Учитель! Перед именем твоим...» (71), «Ты был геолог, им остался...» (88).

Выделенные тематические акценты интересны уже тем, что составляют периферию эпитафийного корпуса. Она, в отличие от ядра, подвержена семантической трансформации и отражает динамические процессы культуры, в том числе и современность с характерным для нее событийным фоном и «индивидуальностью сознания» [1. С. 73].

4. Последнее, на чем хотелось бы остановить внимание, – это вопрос о региональной специфике представленной совокупности эпитафий. Пока единственным конкретным ее показателем можно назвать текст пермского поэта А.Г. Гребнева «Отец погиб в бою за Волгу...», положенный в основу эпитафии «Отец погиб на поле брани...» (63). Более – ни на символическом, ни на языковом уровне – мы не найдем тех примет, которые бы свидетельствовали о региональной привязанности материала. Вероятно, тот период, когда местный язык вплетался в стихотворную ткань эпитафийных произведений, уже ушел в прошлое. Рассматривать образцы современного письменного фольклора как содержательные источники сведений о региональной речи, на что указывал Л.К. Ильинский [10. С. 360], уже невозможно.

Можно предполагать, что эпитафийные корпуса разных регионов могут иметь различия на уровне качественной и количественной представленности стилистических и тематических разрядов. «Но могут ли эти различия быть истолкованы именно с региональной привязкой?» – вопрос для будущих исследований. Пока же следует согласиться с классиками постфольклорных исследований в том, что феномены такого свойства имеют прежде всего социальную (а не региональную) обусловленность.

## ИСТОЧНИКИ

- Виртуальное кладбище. URL: <http://internet-cemetery.ru/> (дата обращения: 22.02.2020).  
Пограничный блокнот // Сайт «ALLEYNE.RU» URL: [http://alleyne.ru/pogran\\_blocknot.php](http://alleyne.ru/pogran_blocknot.php) (дата обращения: 20.02.2020).  
Помним, скорбим. URL: <http://www.pomnim-skorbim.ru/> (дата обращения: 22.02.2020).  
Российское виртуальное кладбище. URL: <https://www.rip.su/> (дата обращения: 22.02.2020).

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Автор благодарит С.В. Хоробрых, директора МБУК «Историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», за помощь в сборе исследовательского материала.
- <sup>2</sup> Его решение, вероятно, возможно через социологическое анкетирование клиентов ритуальных агентств, предвещающее покупку памятника.
- <sup>3</sup> Чтобы облегчить повествование, совокупность текстов различного стилистического свойства мы вынесли в Приложение. Их графическая передача ориентирована на реальные надписи. В перечень включены эпитафии, имеющие единичную фиксацию, и широко распространенные посвящения в некоторых из своих реализаций.
- <sup>4</sup> Газетный некролог Владимиру Николаевичу Замараеву // «Наш Соликамск» от 13.02.2020. № 7 (1163). С. 30.
- <sup>5</sup> Личная страница Влада Паршакова в интернет-сообществе «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/id100172494> (дата обращения: 16.02.2020).
- <sup>6</sup> Незначительное подспорье в разрешении вопроса может дать авторская атрибуция цитаты на памятнике: *И мы знаем что | так было всегда | Что судьбою больше любим | Кто живет по законам другим | И кому умирать молодым | В. Цой* (58).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX вв. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 200 с.
2. Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси : дис. ... д-ра ист. наук. М.: РГГУ, 2018. Т. 1: Исследования. 1258 с. Т. 2: Альбом иллюстраций, приложения, каталоги и словари. 1042 с.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте // Жанры речи. . Вып. 5: Жанр и культура. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. С. 232–247.
4. Николаев С.И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров (Эпитафия) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. А.М. Панченко. Л. : Наука, 1989. С. 44–55.
5. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков (Источники. Эволюция. Поэтика) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : ИРЛ (Пушкинский Дом) РАН, 1998. 46 с.
6. Авдеев А.Г. Некоторые проблемы изучения русской стихотворной эпитафии последней четверти XVII – начала XVIII в. // Вопросы эпиграфики. Вып. 7, ч. 2. [Сб. ст.] / отв. ред. А.Г. Авдеев. М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 206–230.
7. Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М. : Наука, 1983. С. 119–139.
8. Блажес В.В. Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // Фольклор Урала. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 11: Устная и рукописная традиции. С. 20–37.
9. Башарин А.С. Блатная песня: рождение жанра (20-е годы) // Материалы конференции «Рождение новых фольклорных традиций. Новый фольклор в новом мире». Москва, РГГУ, 13–15 марта 2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin9.htm> (дата обращения: 22.02.2020).
10. Ильинский Л.К. Поэзия кладбища (Из наблюдений над могильными надписями Казанского Арского кладбища) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1910. Т. XXVI, вып. IV. С. 359–377.
11. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М. : Искусство, 1971. С. 369–383. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/jacobson1.htm> (дата обращения: 13.02.2020).
12. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 ноября 2020 г.

### **Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part I**

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, 462, 40–48.

DOI: 10.17223/15617793/462/5

**Liliya M. Panteleeva**, Solikamsk State Pedagogical Institute (Branch) of Perm State University (Solikamsk, Russian Federation).

E-mail: [liliya\\_pant@mail.ru](mailto:liliya_pant@mail.ru)

**Keywords:** linguoculturology; urban culture; death; epitaph; written folklore; naive poetry.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Perm Krai, Project No. 19-412-590001.

The first part of the article describes the stylistic features of poetic epitaphs recorded during field surveys of provincial cemeteries in Perm Krai in 2019. These texts have not only historical and source-study, but also cultural value. The establishment of the features of the broad epitaph heritage in a particular historical period leads to an understanding of the worldview of representatives of everyday life of the given time. When classifying the material, the author took into account the nature of authorship and the genre function. On these grounds, the collected texts are divided into four groups. Group 1 is folklore texts for which the epitaph function is initial. These are epitaphs generated in the folk environment, they are characterized by anonymity, a characteristic set of topics, variability, a high degree of formulaicity and a typified subject. They are broadcast not only in real conditions, but also on the Internet. Group 2 is folklore texts for which the epitaph function is secondary. Such texts are a rare occurrence in cemetery poetry associated with subcultural folklore. Group 3 is authorial texts for which the epitaph function is initial. This group is organized by anonymous works of amateur nature. Fixed in a single copy, they do not find variants either in cemeteries or on the Internet. The stylistic differences between naive epitaphs and folk epitaphs are reduced to the individualization of the dead through their lifetime qualities, as well as the manifestation of the author's poetic talent. Group 4 is authorial texts for which the epitaph function is secondary. According to the genre of the source, these works belong to poems, novels, dramas, literary epitaphs, aphorisms, and songs. Poetic quotations in the function of epitaphs can be transmitted verbatim or be reworked in accordance with new content and stylistic tasks. In addition to these categories, the studied material also reveals as a transitional phenomenon, when a popular text loses its connection with the author and functions as a folk text. The basis for identifying transient phenomena is provided by Internet statistics. In the final section of the first part, conclusions are drawn about 1) the prevalence of epitaph texts in the cemetery space of the province; 2) the correlation of the author's classification with previous works on the style of epitaphs; 3) the thematic features of cemetery poetry; 4) the presence of regional specificity in the presented set of texts.

## REFERENCES

1. Tsar'kova, T.S. (1999) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vv. Istochniki. Evolyutsiya. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries. Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs.
2. Avdeev, A.G. (2018) *Pamyatniki lapidarnoy epigrafiki kak istochnik po istorii i kul'ture Moskovskoy Rusi* [Monuments of lapidary epigraphy as a source on the history and culture of Moscow Rus]. History Dr. Diss. Moscow: RSUH.
3. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2007) K kharakteristike zhanra sovremennoy epitafii v sotsiokul'turnom aspekte [On the characteristic of the genre of modern epitaph in the sociocultural aspect]. In: Rogacheva, N.B. (ed) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 5. Saratov: Izd. tsentr "Nauka". pp. 232–247.
4. Nikolaev, S.I. (1989) Problemy izucheniya mal'kh stikhotvornykh zhanrov (Epitafiya) [Problems of studying small poetic genres (Epitaph)]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Itogi i problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka* [Results and problems of studying the Russian literature of the 18th century]. Leningrad: Nauka. pp. 44–55.
5. Tsar'kova, T.S. (1998) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vekov (Istochniki. Evolyutsiya. Poetika)* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries (Sources. Evolution. Poetics)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg: IRL (Pushkin House) RAS.
6. Avdeev, A.G. (2013) Nekotorye problemy izucheniya russkoy stikhotvornoy epitafii posledney chetverti XVII – nachala XVIII v. [Some problems in the study of Russian poetic epitaph in the last quarter of the 17th – early 18th centuries]. In: Avdeev, A.G. (ed.) *Voprosy epigrafiki* [Issues of epigraphy]. Vol. 7 (2). Moscow: Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. pp. 206–230.
7. Braginskaya, N.V. (1983) Epitafiya kak pis'menny fol'klor [Epitaph as written folklore]. In: Tsivyan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 119–139.
8. Blazhes, V.V. (2000) Soldatskiy yumor v svete narodnoy poeticheskoy traditsii [Soldier humor in the light of folk poetic tradition]. In: Soboleva, L.S. (ed.) *Fol'klor Urala* [Folklore of the Urals]. Vol. 11. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 20–37.
9. Basharin, A.S. (2003) [Blatnaya pesnya: The birth of the genre ('20s)]. *Rozhdenie novykh fol'klornykh traditsiy. Novyy fol'klor v novom mire* [The birth of new folk traditions. New folklore in a new world]. Conference Proceedings. Moscow: RSUH. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin9.htm> (Accessed: 22.02.2020). (In Russian).
10. Il'inskiy, L.K. (1910) Poeziya kladbishcha (Iz nablyudeniya nad mogil'nymi nadpisyami Kazanskogo Arskogo kladbishcha) [Poetry of the cemetery (From observations of the grave inscriptions of the Kazan Arsk cemetery)]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii*. XXVI (IV). pp. 359–377.
11. Bogatyrev, P.G. & Yakobson, R.O. (1971) Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva [Folklore as a special form of creativity]. In: Bogatyrev, P.G. *Voprosy narodnogo tvorchestva* [Issues of folk art]. Moscow: Iskustvo. pp. 369–383. [Online] Available from: <https://www.ruthenia.ru/folklore/jacobson1.htm> (Accessed: 13.02.2020).
12. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology: Studies in the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (Accessed: 10.02.2020).

Received: 21 November 2020